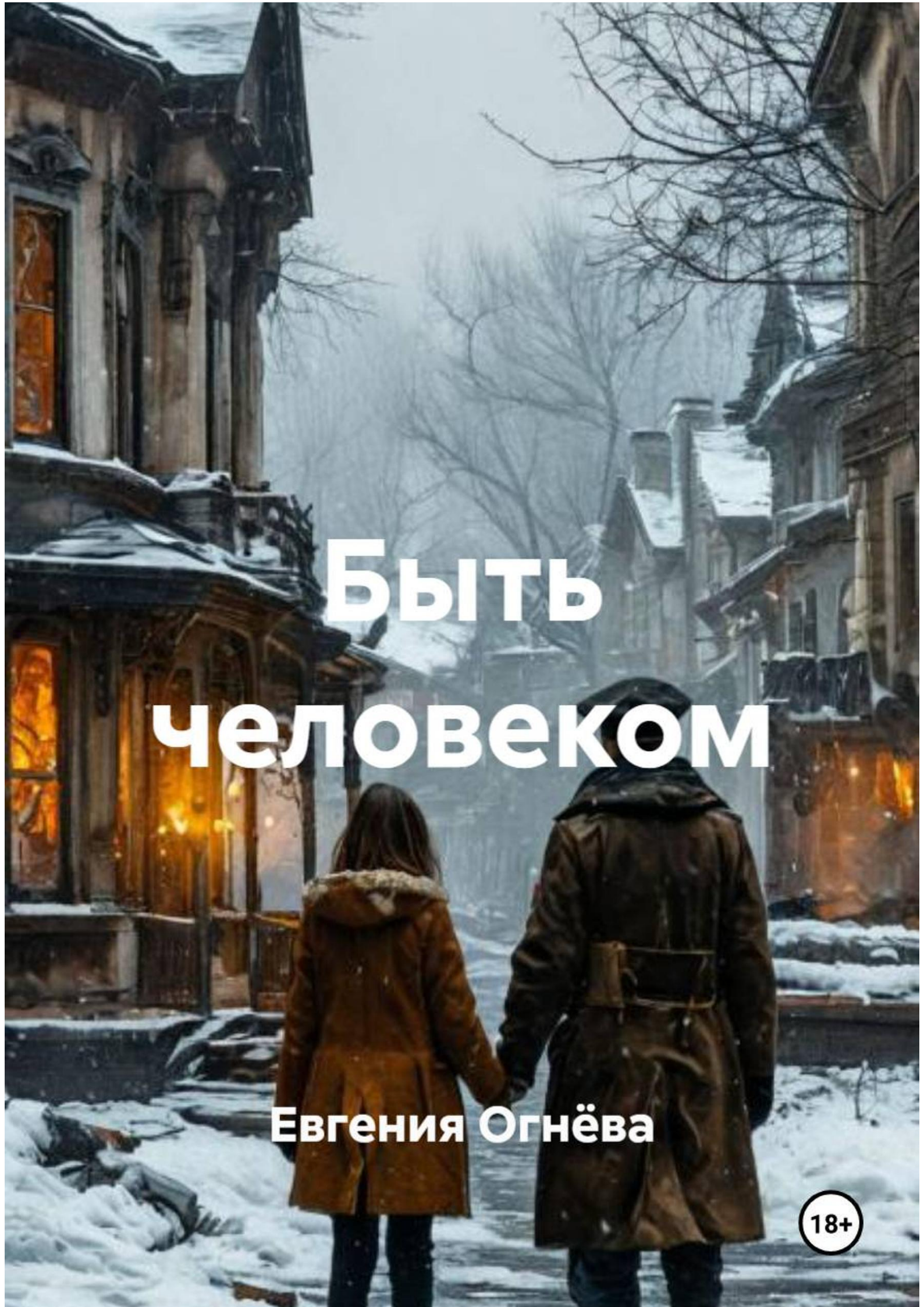

БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

Евгения Огнёва

18+

Евгения Огнёва

Быть человеком

«Автор»

2026

Огнёва Е. О.

Быть человеком / Е. О. Огнёва — «Автор», 2026

Февральский снег с дождем. Горящие дома. дети, которые слишком быстро взрослеют. Люди, которые забывают, кто они, и вспоминают только когда теряют друг друга. Это история о том, как в человеке остается человеческое, когда все вокруг велит быть зверем. Она - дочь генерала. Он - командир бунтовщиков. Они с разных сторон, но видят одно и то же: правду, которая не делится на "нашу" и "вашу". И любовь, которую не убило восстание, а сделало единственным якорем. "Быть человеком" - роман о выборе. О том, как люди становятся друг другу семьей посреди всеобщего распада.

© Огнёва Е. О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пожар на Гончарной	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Евгения Огнёва

Быть человеком

Глава 1. Пожар на Гончарной

Машка едва поспевала за быстрым шагом Степки. На улице было сыро и промозгло, накануне прошел снег с дождем. Девчонка ниже натянула на уши шапку, спрятала руки в карманы бледно-коричневого шерстяного пальто, пытаясь отогреть окоченевшие пальцы.

Дыхание вырывалось облачком пара, небольшая компания уверенно продолжала свой путь.

Ограбить генеральшу предложил Васька. Он был в компании самый старший, пользовался бесспорным авторитетом. Еще бы! Пospоришь с таким: его два верных дружка, Сиплый и Нож (настоящих имен Машка не знала), живо нос расквасят.

Вообще-то Машке полагалось сидеть дома и присматривать за младшими братьями, пока мать и отец вместе с остальными горожанами были на собрании. Но девочке было скучно, хотелось есть, а братья быстро уснули, согретые старым шерстяным одеялом.

Последний год есть хотелось постоянно. Взрослые часто произносили слова «голод», «хлеб» и ругали власть на чем свет стоит. Бывало, мать возвращалась из булочной с куском черного хлеба, бывало – ни с чем.

Ели картошку с луком, постную кашу, по выходным случалось отцу раздобыть сало от родни из деревни. Тогда радовались всей семьей, предвкушая сытую неделю, а то и две. Вот уже месяц перебивались только хлебом и кашей, а родственники перестали помогать.

Машка почувствовала, как предательски заурчал живот, а рот наполнился слюной. Ну вот стоило вспомнить о еде.

Она увязалась за Степкой, который весь вечер хвастался, что пойдет на дело с дворовой шпаной. Она знала их всех еще с малолетства: Васька, Нож и Сиплый жили на той же улице, их отцы трудились на сталелитейном заводе вместе с Машиным отцом. Степка, вроде бы, приходился ей каким-то четверо-пятиюродным братом по материнской линии.

Остальные четверо слонялись по родной улице сколько Машка себя помнила.

- Пришли. – Васька остановился возле зарешеченного окна двухэтажного дома. – Мелкая, давай сюда. – Он потянул Машку за рукав пальто. – Все помнишь? – Спросил он, обдавая девочку запахом табака.

Машка кивнула. Коленки задрожали от волнения. Обсуждать план ограбления и то, как поделят добычу, было интереснее и проще, чем воплощать задуманное в жизнь. Тогда все казалось лишь веселым приключением.

Сиплый встал за дверь, остальные укрылись за углом дома. Васька подтолкнул девочку вперед и тоже спрятался.

Она постояла в нерешительности, но потом все же постучала в дверь.

Ничего не происходило, девочка облегченно вздохнула и хотела было отступить, но Сиплый грозно зашипел:

- Куда? Давай еще.

Маша постучала снова. В этот раз слышались шаги и ругань.

- Кого еще ночь принесла?

- Дяденька, дяденька, я потерялась. – Жалостливо заскулила Машка. – Мне страшно, пустите, пожалуйста.

- Еще чего! – Проворчал мужской старческий голос. – Иди дальше, бог поможет.

- Мне страшно, дяденька. – Всклинула Машка для пушей убедительности. – Темно и холодно.

- Кто там еще, Василий Петрович? – Поинтересовалась женщина, приближаясь к двери.

- Побирושка, ваша светлость. Я ей сказал убираться.

- Бедняжка. Дай ей хотя бы хлеба кусок.

Василий Петрович лежал на полу с пробитой головой, мальчишки обшаривали комнаты в поисках поживы. Нож раздобыл на кухне бутылку настойки и расхаживал с ней, время от времени делая глоток. Его рожа сделалась красной, а глаза затуманились.

Сиплый караулил генеральшу с двумя дочерями, что несмело хныкали, прижавшись друг к дружке. Дуло пистолета смотрело в сторону пленниц, пока парень с интересом изучал содержимое сундучка с побрякушками.

Васька и четверо других сорванцов, включая Степку, с удовольствием потрошили барские подушки, выворачивали содержимое шкафов на пол. С дребезгом бились зеркала и вазы, летали перья, тряпки.

Степка напялил на себя какой-то чепец и дурачился, изображая барышню. Другой воришка, гогоча во все горло, притворялся кавалером, который не прочь с барышней развлечься.

- Хватит! – Васька спустился со второго этажа с увесистым узелком за плечами. – Валить пора.

Машка все это время молча грызла яблоко, восседая на обеденном столе и размахивая в воздухе ногами. Она мучительно икнула, чем привлекла всеобщее внимание.

- А с этими чего? – Сиплый ткнул пистолетом в сторону барыни и двух дочерей. – Сдадут.

- Кому? – Фыркнул Нож. – Сейчас нету никого – ни полиции, ни городских. – А нас – ищи-свищи, мы для их благородий все на одно лицо.

- Но старикан то сдох. – Не согласился Васька. Это – мокруха уже. Свидетели нам ни к чему.

- И чего с ними? – Разозлился Сиплый. – Я девок не подвязывался убивать. Хочешь – сам стреляй.

Пленницы разрыдались и запричитали.

- Не губи, голубчик, не бери грех на душу. – Генеральша на коленях поползла к Сиплому, закрывая собой дочерей. – Никому не скажу, голубчик.

- Че делать-то? – Спросил тот, растерянно захлопав бесцветными ресницами.

Делать ничего не пришлось. Машка лежала на пол – шум в ушах превратился в густой гул. На улице творилось что-то невообразимое: крики, стрельба и, кажется, было уже жаркое июльское утро.

Очнувшись, девочка осознала, что у нее не пелена перед глазами, просто комнату затянуло дымом. А на улице вовсе не утро и даже не лето – дом горел. Горело и что-то за разбитым окном.

Валялся на полу Сиплый, правда, половина его лица куда-то пропала, а из-под сбившейся шапки вытекало что-то липкое. Васька машинально сжимал и разжимал пальцы на осколке стекла, который впился в его брюхо.

Его исковерканное, какое-то изломанное тело скомкалось возле окна, на котором весело пылали шторы.

Пламя плясало на генеральшином шкафу с книгами, подбираясь к Машке.

- Чего сидишь, дура! – К ней кто-то подлетел и потащил за собой.

Не разбирая дороги, полагаясь на своего спасителя, девочка переставляла ноги, которые несли ее вглубь дома.

Споткнувшись о что-то мягкое, Машка растянулась на полу и закашлялась.

- Кити, она бух. – Послышался детский голос, маленькая ладошка коснулась головы.

- Вижу. – Серdito отозвалась та, что помогала Машке выбраться из горящего дома. – Бросить бы тебя вместе с твоими друзьями! Гадюка!

- А-та-та. – Предупреждающе заговорил детский голосок.

- Да, да. Мама отругает. – Девушка помогла Машке встать и снова потащила за собой.

Мир сошел с ума и перевернулся с ног на голову. Горела булочная, горел магазин тканей. Горели все дома на Гончарной. Бегали люди.

Одни пытались потушить пожар, другие – тащили то, что плохо лежало. Трое мужиков самозабвенно били какого-то военного, мимо промчались вооруженные, раздались хлопки.

В мгновение ока Гончарная наполнилась еще людьми и суматохой.

Машка жалась к девушке, которая вывела ее из огня.

- Боженька, милостивый. Что же это? – Простучала зубами Машка.

- Бунт. – Выдохнула та, кого малышка назвала Кити.

Крошка уткнулась лицом в грудь Кити, закрывая уши ладонями.

Так они просидели довольно долго в своем углу, никем не замеченные, пока не начало светать.

Шум стихал, рухнула крыша догоревшей булочной.

- Надо уходить. – Кити выглянула из закутка, чудом уцелевшего дома. – Пока нет никого.

- Мне домой надо. – Проныла Машка. – Мамка мне задаст.

Кити обернулась. Она была хороша. Рассвет осветил ее каштановые волосы и золотой блеск рассыпался по ним, спадая на плечи. Внимательные черные глаза, чуть курносое строгое лицо.

- Иди, кто тебя держит. – Пожала плечиками Кити.

- Боязно одной.

- Слышали уже. – Нахмурилась Кити. – Второй раз в одну реку не входят. Если бы матушка не пожалела тебя, мерзавку.

Барышня сжала кулачки и замахнулась на Машку.

Девчонка отшатнулась, закрываясь руками.

- Кити, а-та-та. – Произнесла ее сестренка, грозно помахав пальчиками.

- Да, ты права. – Сдерживая слезы, барышня взяла малышку на руки. – Драться нехорошо.

Уйти далеко не получилось. Стоило троице свернуть с Гончарной на Пограничную, как их тут же окрикнул мужик с ружьем на плече.

- Кто такие? – Он надвигался, снимая оружие с плеча.

Кити собиралась было юркнуть в переулок, но оттуда вышли двое таких же странных вооруженных лбов.

- Машка я, Савелия Хлыстова старшая. – Выпалила Машка. – Дядя Ваня, не признаете меня?

Мужик сразу расслабился и опустил ружье.

- Ты чего чумазая такая? – Дядя Ваня подошел ближе, внимательно оглядел Кити с малышкой на руках. – А это кто такие?

- Да пожар был, дядя Ваня. – Машка шмыгнула носом. – Вот, погорельцы с Гончарной.

- Ну? – Мужик снова стал грозным. – И из какого ж вы дома на Гончарной? – Его суровые глаза так и впились в Кити.

- Да они не оттудова, дядя Ваня, случайно там оказались. Ты пусти нас, меня мамка поколотит, что дома не была всю ночь.

К мужику подошли еще два приятеля. Они стояли у Кити за спиной, и девушка нервничала.

- Не поколотит, Машенька. – Вздохнул дядя Ваня. – Горе у вас. Батька твой... в общем, ступай с Богом.

- Вы вот тут подождите. – Машка указала на сарай во дворе. – Я вам одеяло принесу.

- Мы до темноты посидим и уйдем. – Кити осмотрелась по сторонам и скрылась внутри сарая. Малышка на ее руках спала.

Погромы обошли Вяземскую стороной: кому тут что крушить? Сплошные бараки рабочих, ни пожить, ни разжиться. Но пока шли, Машка старалась смотреть под ноги: в городе ночью творилось черт знает, что.

Улицы были завалены каким-то мусором, битые стекла хрустели под ногами, попадались раненные и убитые. Неразбериха только отступала, вышагивали вооруженные злые мужики, пару раз пришлось жаться к стене, пропуская конных всадников.

Они промчались мимо, не заметив трех девочек, перемазанных сажей.

В доме было тихо. Первое, что Машка увидела – бледное лицо отца. Он лежал на их столе и не шевелился. Руки его были сложены на груди, на лице – ни кровинки.

Рядом с ним, безучастная, сидела мать, раскачиваясь из стороны в сторону, точно баюкая и утешая саму себя.

Мишка и Коленька притихли подле ее ног. Они были еще слишком малы и не понимали, почему отец не схватит их на руки, не засмеется, целуя усами губами в лоб. Мальчики вцепились в юбку матери и смотрели в пол, не в силах осознать случившегося.

Машка застыла на пороге, лишь скрипнула половица под ногой, когда она вошла.

- Мама. – Едва слышно произнес ее голос.

Мгновенно все перевернулось. Не помня себя, девочка кинулась к мертвому отцу, задыхаясь от своего горя. Она что-то выкрикивала и, кажется, мать пыталась привести ее в чувства, трясла и тоже рыдала навзрыд.

Разум вернулся к ней только вечером. В их маленькую тесную комнатку набилось народу человек двенадцать: соседи, друзья отца, какие-то еще незнакомые люди.

Все вздыхали, подходили к матери и что-то говорили, она кивала, кусала бледные губы. Мишка и Коленька играли в углу. Их не захватила эта невосполнимая утрата. Для них мир помещался в маленькую комнатку, Машку и родную мать.

Они не ездили с отцом в деревню, не искали грибов, не помогали тетке Зое на сенокосе. Им отец не успел рассказать, как тепло и светло будет жить в будущем, когда все-все станет общим, а господ и генералов больше не будет.

Девочка ушла за шторку, которой тесная комнатка разделялась на две половины. Она увела обоих братьев и уложила спать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.